

Это — третий сборник по методологии науки, выпускаемый Центром методологии и этики науки. Его задача — описать движение философии науки как конкуренцию и смену исследовательских программ, что касается как зарубежной, так и отечественной истории науки. К тематизации такого рода движения относятся статьи В.М.Розина, К.А.Павлова и А.П.Огурцова. Основной корпус текстов посвящен первой исследовательской аналитической программе, связанной с именем Рене Декарта (1594–1650). Одних авторов интересуют метафизические основания этой программы, других — принцип сомнения, объективность идей как условие доказательности существования Бога, влияние Декарта на порождающую грамматику Н.Хомского и пр. Можно сказать словами Карла Поппера, что перед нами — метафизическая исследовательская программа, но нам бы хотелось показать тройственное единство теологии, метафизики и науки. Конечно, было бы желательно проследить связи такой программы с возникновением конкретной аналитической науки, например, аналитической химии. Это, однако, скорее задача будущего.

Центр методологии и этики науки посвящает этот сборник Александру Павловичу Огурцову, которому 14 сентября 2006 г. исполнилось 70 лет.

Имя доктора философских наук, лауреата Государственной премии России Александра Павловича Огурцова широко известно не только в философском и историко-научном мире, но вообще среди интеллигенции, которая в Шестидесятые—Восьмидесятые годы XX в. испытывала острую ответственность за судьбу России. Александр Павлович входил в число тех, кого тогда называли «подписантами»: он выступал в защиту своих несправедливо репрессированных современников, за что сам был исключен из рядов КПСС, что в то время означало оказаться в списках неблагонадежных, оставаться неопределенное время без работы и — получить невероятную поддержку интеллигентской среды. А поскольку он начинал входить в число лидеров-философов

и историков науки, то и приобрести профессиональный авторитет. Этот авторитет Александр Павлович постоянно поддерживает и увеличивает огромным количеством трудов, в которых поразительная эрудиция, конкретное квалифицированное знание сопрягается с умением точно ставить проблемы, с остроумными попытками их прояснения и полным принятием ответственности за сказанное слово. Его привлекают самые разнообразные темы: чисто философские и историко-научные, теория культуры и философия образования. Некоторые фундаментальные труды написаны в сотрудничестве с коллегами, с которыми его объединял пафос предельного доведения мысли в исследовании того или иного предмета. Его эрудиция – крепкое подспорье в его видении мира, но точнее сказать – она востребована именно потому, что он изначально высоко сидит и далеко глядит. Этой высотой объясняется отсутствие малейшей помпезности в поведении, попыток укрыться за якобы общезначимыми мыслями. Но ею же объясняется и желание увидеть и обнаружить лучшее в работах собеседника, не скрыть, а вскрыть возможные повороты мысли, сделав их значимыми и авторитетными.

Письменный стол и книжные магазины – места действия его жизни. Чтение и письмо – его образ жизни. И это – не метафоры. Все остальное без ущерба размещается между главными занятиями. Ибо он азартен в любом деле до головокружения, из этого азарта принимает разные предложения, не проходя мимо и рискуя, ибо соавторы не всегда единомышленники. Но с ним почти всегда достигается та легкость мышления, которая делает радостным труднейшее дело любого начинания. При имеющейся огромной работоспособности и творческом потенциале мы желаем Александру Павловичу прежде всего сохранения здоровья. Что же до традиционного пожелания дальнейших успехов, то, всегдашний поборник «жизни сначала», он – всегда в начале. Нам же досталась редкая удача быть его коллегами и друзьями. Ниже мы публикуем интервью с А.П.Огурцовым, проведенное С.С.Неретиной.

Моя позиция

Интервью с А.П.Огурцовым

Почему Вы пошли на философский факультет?

По глупости. Нас было трое друзей – Алексей Оффман, Игорь Зуев и я. Посмотрев программы разных факультетов МГУ, мы решили пойти именно на этот факультет. Ведь в этой программе было представлено все – и физика, и биология, и математика, и история. Я поступил, поскольку у меня была серебряная медаль, а мои друзья – нет. Один окончил позднее в Костроме педагогический институт, но педагогом не стал. Другой пошел работать на завод «Серп и молот», окончил вечернее отделение металлургического института и всю жизнь проработал на этом заводе. Преподавание логики в школе, которое у нас ввели по распоряжению И.Сталина, было, как я понимаю сейчас, плохим. Да и на факультете было таким же. Поэтому мне пришлось переучиваться у В.А.Смирнова, который читал нам лекции по современной логике в институте философии.

Какие предметы и преподаватели запомнились? Какие казусы случались? Что было важно, а что внушало отвращение?

Из преподавателей запомнились Валентин Фердинандович Асум, который читал спецкурс по философии И.Канта, Михаил Федотович Овсянников, у которого я прослушал спецкурс по философии Гегеля, Арсений Чанышев и преподаватель математики – простейшего курса дифференциального и интегрального исчисления (к сожалению, забыл его фамилию), который уже после завершения своего курса вел кружок по математике. В этом кружке занимались студенты старших курсов – В.К.Финн, Д.Лахути, П.П.Гайденок, В.А.Янков, О.П.Кузнецов и я. Прослушав семестр лекций по математике, я мало что понял в этом простейшем курсе дифференциального исчисления. И уже перед зачетом я купил в букинистическом магазине книгу М.Я.Выгодского «Исчисление бесконечно малых», которая построена совершенно иначе, чем курс математического анализа Н.Н.Лузина. Она построена исторически – вначале обсуждаются задачи на вычисление площадей, а затем уже в качестве обоснования способов вычисления площадей вводятся процедуры дифференциального исчисления. После прочтения этой книги мне стало многое прозрачно ясным, хотя её никто нам не рекомендовал. Да и сам М.Я.Выгодский подвергся гонениям, хотя его книга продавалась в магазинах. Может быть, потому, что он был автором «Справочника по элементарной математике», который каждый год выходил в свет для поступающих

в вузы. Потом уже я узнал, что книга «Исчисление бесконечно малых» является первой работой в мировой литературе по нестандартному анализу. И уже работая в Институте истории естествознания и техники АН СССР, я познакомился с первым томом его книги «Процесс Галилея», второй том которой так и не вышел. Сегодня узнал, что его кандидатская диссертация называлась «Платон как математик».

Лекции, которые нам читали, — прежде всего, по диалектическому и историческому материализму вызывали отвращение. Это была сухотка в прямом смысле слова, никакой живой мысли. Там были ответы на вопросы, которые никем не задавались. Сами ответы были убогими. Во всяком случае, нам их так преподносили.

Со второго курса я не получал стипендии, поскольку стипендии стали выдавать лишь тем, у кого в семье душевой доход не превышал какой-то суммы (не помню, какой). Естественно, я перестал посещать лекции. Все свободное время проводил в Горьковке. Вспоминаю свое «штудирование» «Феноменологии духа» Гегеля в плохом переводе шести каких-то дам под редакцией Э.Л.Радлова. Или впечатление от книги В.Волошинова «Марксизм и философия языка», купленной мной у букинистов. Лишь позднее я узнал, что ее автором был М.М.Бахтин. В это же самое время читал работы марксистов 30-х годов — статью Г.Лукача «Овеществление и пролетарское сознание», книги И.И.Рубина, подчеркнувшего фундаментальную роль идеи феицизма для экономической теории Маркса.

На меня гораздо большее влияние оказали встречи в Московском методологическом кружке, который был организован на факультете А.А.Зиновьевым. Там я познакомился с теми философами, которые и составляют славу нашей философии, — М.К.Мамардашвили, Б.А.Грушиным, Н.Г.Алексеевым. В работе этого кружка принимали участие В.К.Финн, Д.Лахути, О.П.Кузнецов, Е.П.Никитин, с которыми я познакомился в подшефном совхозе «Озеры», где мы вместе очищали от навоза коровник и убирали картошку.

Программа Московского методологического кружка была сформулирована, как я помню, А.А.Зиновьевым. Состояла она в том, что философия должна исследовать процедуры мысли так, как они представлены в том или ином научном произведении — будь то «Капитал» К.Маркса или труд по исторической геологии. Этот кружок просуществовал недолго — А.А.Зиновьев вынужден был уйти с факультета и заняться математической логикой. Помню тот шок, который вызвала тяготи́на с защитой кандидатской диссертации Б.А.Грушина. Короче говоря, я уже на первом и втором курсах познакомился не только с тем, что и тогда, и сегодня считаю перспективным, но и со

стремлением сталинистов не допустить свежий воздух в нашу философию, законопатить ее в прежних убогих схемах. Помню шоковое впечатление от доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС, прочитанного всем студентам. Поразил масштаб репрессий и репрессивный характер системы, созданной в СССР. Вспоминаю скептическое отношение к постановлению ЦК КПСС об антипартийной группе Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова, с которым нас ознакомили в военных лагерях в Алабино. Недоуменными вопросами, которыми мы закидали информатора об этом постановлении, мы открыто выразили свое недоверие к партийным инвективам. Это не была защита партийных бонз. Скорее, это было противоборство (пусть и глухое) за бóльшую гласность.

Казусов, наверное, было много, но я их плохо помню. Об одном из них мне напомнил Л.Н.Митрохин (он у меня был руководителем курсовой по логике), прочитав книгу воспоминаний А.Д.Косичева. М.К.Мамардашвили выступил в стенной газете с заметкой о парадоксах Зенона. Насколько я помню, он доказывал, что эти парадоксы не разрешимы и связаны с двумя подходами в математике — с подходом дискретной математики и с подходом математики непрерывных функций. На семинаре по диалектике я повторил мысли М.К.Мамардашвили (естественно, сославшись на него). Что после этого развернулось: меня таскали на комсомольскую группу, на комсомольское бюро и т.д. Дело выеденного яйца не стоило, но надо же показать свою бдительность.

В середине 50-х годов прошлого века были опубликованы на русском языке ранние работы К.Маркса, прежде всего «Экономическо-философские рукописи 1844 г.». Их издание внесло освежающий воздух и в нашу, и во всю европейскую философию. Они свидетельствовали о варианте философской антропологии, им построенной, о совершенно иных ходах мысли, которые были далеки от Маркса как сугубого экономиста. В центре философских размышлений молодого Маркса были проблемы человека и его отчуждения. Возник клуб «Молодого марксиста», на заседаниях которого я слушал доклады Э.В.Ильенкова, Г.С.Батищева, Л.Б.Пажитнова и др. Такого же рода клубы возникли и в Венгрии, и в Польше.

Помню один казус, если его, конечно, можно назвать казусом. Он связан с защитой моего диплома «Проблема отчуждения в философии Гегеля». Казалось бы, тема сугубо историко-философская. Вполне благопристойная. Но уже при утверждении тем дипломов на ученом совете факультета (была такая процедура!) выступил М.Т.Иовчук, который назвал саму тему «ревизионистской» и не достойной

даже диплома. В это время — после венгерских событий — боролись с ревизионизмом. Все-таки тему утвердили. Я написал диплом. Научным руководителем у меня был М.Ф.Овсянников. Его замечания достаточно быстро учел и сдал дипломную работу. Был назначен оппонент — А.Н.Чанышев и день защиты. Но дальше началась история. Под бдительным оком Иовчука мне были назначены дополнительные оппоненты — А.С.Богомолов и Т.И.Ойзерман, с которыми я не раз и не два беседовал и никак не мог понять, что же от меня хотят. Переделывал диплом — надо же учесть замечания своих оппонентов. Защита прошла быстрее, чем обсуждение после защиты на кафедре. Как мне сказал М.Ф.Овсянников, на кафедре возникли разногласия относительно оценки за мой диплом: М.Ф.Овсянников и А.Н.Чанышев были за отличную оценку, остальные оппоненты — за тройку, всех примирил В.Ф.Асмус, предложивший поставить мне четверку. Мне было этого достаточно — слава Богу, эта эпопея закончилась.

Как складывалась Ваша жизнь после окончания Университета? Поступили ли Вы сразу в аспирантуру, если нет, то где Вы работали?

Я поступил на работу лаборантом на кафедру марксизма-ленинизма в Московский технологический институт легкой промышленности (МТИЛП). Об этой работе вспоминать не хочется. Хотя и там я познакомился с интересными людьми, например, с Борисом Шаховым — преподавателем политэкономии и одновременно поэтом. Он оставил после своей смерти чемодан стихов, а был напечатан всего один раз в «Новом мире». Пытался поступать в Институт философии в группу реферирования, которой руководила небезызвестная Е.Д.Модржинская, но не поступил, не смог в срок до конца перевести текст из «Принципа надежды» Э.Блоха (надо сказать, нелегкого автора). До начала своей работы в МТИЛПе я старался посетить историческую библиотеку, где в спецхране читал книги, изъятые или не допущенные в наши библиотеки. Это была хоть какая-то отдушина. Я ни от кого не скрывал, что хочу уйти в аспирантуру. Моя первая статья была напечатана в сборнике научных трудов МТИЛПа рядом со статьями обувщиков, кожевников, химиков. Тогдашний директор МТИЛПа В.Н.Цветков твердо был настроен на то, чтобы я остался в институте, и готовил из меня нового зав. кафедрой. Но мне этого не хотелось. Я поступил в аспирантуру в Московский экономический институт. Однако сведения о том, что я принят, пришли где-то в конце года. Ждал, ждал известий о том, поступил ли я в аспирантуру или нет, и подал документы в аспирантуру на кафедру искусственной кожи. Видите, сколько глупостей сделал! Был принят после моего со-

общения о заливке искусственной кожи при формовке мужских ботинок, которые чем-то напоминали нынешние кроссовки. Сведения о том, что я поступил в аспирантуру в МЭИ, задержались потому, что этот институт слили с Плехановским институтом, и я оказался на кафедре философии, которой руководил В.А.Карпушин. Жуир. Любитель выпить и еще кой-чего. Он был в каком-то офицерском чине КГБ, но уже в запасе. Я довольно-таки быстро ушел из аспирантуры, сдал кандидатские экзамены. По приглашению Ю.М.Бородея (он не был зав. редакцией, но был ответственным за философию) я ушел работать в издательство «Высшая школа», где были изданы не только первый том «Античной эстетики» А.Ф.Лосева (я дважды был у него дома, подбирал иллюстрации и снимал вопросы техреда), но и ряд отечественных философов — М.Б.Туровский, Б.В.Бирюков. Попытался издать и кандидатскую диссертацию А.А.Зиновьева, которую опубликовали лишь совсем недавно. Но, увы, не получилось — редакцию общественно-политической литературы пришла проверять комиссия, ее обсуждали на всяких инстанциях — от дирекции до партбюро. И я через полгода работы в этом издательстве ушел из него.

В 1963 г. я прошел по конкурсу в Институт философии на должность младшего научного сотрудника в сектор диалектического материализма. Плановая тема, которой я занимался, — соотношение языка и мышления. Влез в проблему онтологии имени, понимания языка в первобытном мышлении. Сделал какие-то сопоставления онтологии имени с пониманием поэтического слова в философии М.Хайдеггера (фрагмент из этого текста был опубликован в сборнике «Марксизм и экзистенциализм», вышедшем позднее в МГУ). На меня самое большое впечатление — и своим видом, и своей мыслью — производил Э.В.Ильенков. Хотя он не был моим учителем в непосредственном смысле слова и хотя ряд его идей вызывал у меня какое-то внутреннее сопротивление (в частности, его неприятие современной математической логики и логического эмпиризма), было ясно, что это — яркий мыслитель.

Через год работы в Институте — нас обязали в присутственные дни приходиться на работу в 10 часов, мы приходили и работали в читальном зале, в комнате, где вместе со мной были А.В.Брушлинский, Г.С.Батищев и кто-то еще — меня пригласил работать в журнал «Вопросы философии» И.В.Блауберг, тогдашний ответственный секретарь журнала. Почему он выбрал меня, не знаю. Не долго думая, я согласился: работа мне в чем-то знакомая, я уже работал редактором. Я был женат, и у меня был сын. Зарплата в журнале была выше, чем в Институте. Работал я вместе с Геннадием Сардионовичем Гургенидзе

и Вадимом Николаевичем Садовским в отделе диалектического материализма и логики. Об этой работе и совместных обсуждениях вспоминаю с самым теплым чувством.

Что представлял собой журнал «Вопросы философии»?

Наверное, об этом лучше судить по самому журналу. Думаю, что это был неплохой журнал. Не из самых консервативных и твердолобых. В нем были напечатаны статьи Н.А.Бернштейна, Э.В.Ильenkова, М.Б.Туровского и др. Редакция старалась поддержать любую живую мысль, найти молодых авторов, публиковать дискуссионные материалы. Надо сказать, что совершенно явно обозначилось если не противостояние, то размежевание между редакцией и редколлекгией. Это особенно четко проявилось при обсуждении редакционной статьи о генетике после октября 1964 г., то есть после краха Т.Д.Лысенко. Она обсуждалась не один и не два раза. Это были баталии, в которых принимали участие и работники редакции. Дело в том, что среди членов редколлекгии были сильны те, кто сделал себе имя на разрушении генетики, и они-то и старались найти «среднюю» линию, примирить непримиримое. В это время уже вышли статьи Б.М.Кедрова в журнале «Наука и жизнь» о генетике, был опубликован отчет комиссии Президиума Академии по проверке совхоза «Горки Ленинские». Журнал «Вопросы философии» продолжал молчать, стараясь найти рациональные зерна в «мичуринской биологии».

Само собой разумеется, что защитником ее был тогдашний главный редактор академик М.Б.Митин — известный сталинист и борец с генетикой с довоенных времен. Это был невежественный человек. Он не получил высшего образования — его с третьего курса выгнал А.М.Деборин. После этого он стал академиком и образование ему было уже не нужно. То, что у него не было высшего образования, обнаружилось совершенно неожиданно. Его секретарь в редакции — Галина Францевна как-то позвала меня (а я приходил в журнал раньше, чем остальные) и спросила, что ей делать, — М.Б.Митин проходит по конкурсу на философский факультет на кафедру диалектической логики и надо сдать документы, а у него нет диплома ни о высшем образовании, ни о получении степени. Что я мог сказать ей? Лишь то, что от академиков не следует требовать такого рода дипломов.

С М.Б.Митиным связана история с плагиатом, хотя это, конечно, отдельный рассказ. Упомяну хотя бы мельком. Как-то ко мне в редакцию спустился с пятого этажа Э.В.Ильенков и рассказал, что он познакомился с вдовой Яна Стэна. Она отсидела в советских лагерях и, возвратившись, обнаружила, что статья «Философия», подготовленная Я.Э.Стэном, вышла в свет под фамилией М.Б.Митина.

Более того, она нашла сигнальный экземпляр тома Большой Советской энциклопедии с подписью Я. Стэна под этой статьей. По словам Э.В. Ильенкова, она обращалась во все инстанции — от ЦК КПСС до журнала «Коммунист», но все безрезультатно. Ей посоветовали обратиться в ту первичную парторганизацию, где М.Б. Митин стоял на учете, то есть в журнал «Вопросы философии». Она подала заявление. Была создана комиссия партгруппы, в которую входили Е.Т. Фаддеев, В.Н. Садовский и я. Мы встречались с вдовой Стэна, были в приемной КГБ, где нам показали его дело (если можно назвать показания, записанные следователем, «делом»). Самое удивительное, что в сентябре 1936 г., то есть меньше, чем через месяц после ареста Я. Стэна, он был назван М.Б. Митиным в предисловии к книге «Боевые вопросы материалистической диалектики» агентом не помню какой разведки и прочая и прочая. При нашей встрече Л.С. Шаумян, сын Степана Шаумяна, большевика, расстрелянного в числе 26 бакинских комиссаров, — главный редактор Большой Советской энциклопедии вытащил из своего несорасоемого шкафа еще один экземпляр сигнального экземпляра тома БСЭ (1-го издания) с подписью Я. Стэна и сообщил, что документы прежнего издания не сохранились. Но В.Н. Садовский обнаружил в личном деле М.Б. Митина, в перечне его публикаций, который был подготовлен к его избранию в Академию в 1939 г., упоминание об этой статье, написанной уже расстрелянным Я. Стэном и присвоенной им.

При обсуждении своего персонального дела М.Б. Митин вел себя вызывающе, если не сказать нагло. «Вы? Мне? Да кто вы такие! Я кандидат в члены ЦК КПСС!» После этого на обсуждение были выдвинуты два предложения — выговор (надо сказать, что функционеры из МК КПСС, из ЦК КПСС, из комиссии партконтроля после многочасовых бесед уломали нашего парторга Ю.Б. Молчанова дать ему всего лишь партийный выговор) и исключение из партии. Большинство голосов М.Б. Митин был исключен нашей партией из партии. Но решение вступало в законную силу после его принятия на партбюро Института философии и на партийном собрании. Решение партбюро так и не состоялось. Его «замылили». Потом уже стало ясным, почему, — надо было сделать так, чтобы М.Б. Митин освободил место главного редактора для И.Т. Фролова, который и заместил его. «Раскрутка» дела о плагиате М.Б. Митина оказалась средством в карьерной лестнице нового главного редактора, а мы, хотя и обсуждали этот вариант и предполагали даже возможного его преемника, стали лишь орудием в чьих-то руках. После этого консультанты редакции начали расходиться по разным академическим институтам —

кто-то ушел в Институт философии, кто-то в Институт международного рабочего движения, кто-то в Институт истории естествознания и техники. Я, проработав еще несколько месяцев, ушел в сектор Ю.А.Замошкина в Институт международного рабочего движения.

Что представлял собой в конце 60-х годов ИМРД? Почему в определенное время там оказалось много философов?

Я проработал в ИМРД меньше пяти месяцев. Действительно, в ИМРД работало много философов. К моменту моего прихода там уже работал Э.Ю.Соловьев, М.К.Мамардашвили, К.М.Кантор, Ю.Ф.Карякин, Володя Долгих и др. В нем были собраны весьма способные люди либеральных взглядов. Почему власть пошла на это? До Пражской весны 1968 г. еще не было ясно, в каком направлении будет двигаться страна. Думаю, что в ЦК КПСС действовали разные силы – консервативные и либеральные. «Железный Шурик» – А.Шелепин, приложивший руку к созданию в Академии такого «профсоюзного» института, как ИМРД, отнюдь не был либералом, но хотел знать, что же происходит в европейском рабочем движении, в чем суть новых идеологий – «евромарксизма», структурализма, постструктурализма и др. Но все же не следует идеализировать ни этот Институт, ни тех людей, которые там работали. Вспоминаю одного из сотрудников этого Института, который предлагал найти уязвимые точки в экономике европейских стран с тем, чтобы профсоюзные забастовки нанесли ей максимальный ущерб. Цинизм этого сообщения меня навел на грустные размышления: куда я попал? Занимался я чтением Л.Альгюссера и написанием чем-то вроде реферата его книг. Мне его книги не показались интересными, хотя я знал, что М.К.Мамардашвили считает его чуть ли не лучшим умом Франции. Едва успел сдать этот реферат в дирекцию, как разгорелось мое партийное дело и меня исключили из партии. За «подписанство». За подпись под письмом на имя Генпрокурора Руденко в защиту А.Гинзбурга, Ю.Галанскова, А.Добровольского и В.Лашковой. Никого из них лично я не знал. Но видел, что в стране начинаются политические процессы, начинаются гонения на инакомыслящих. Сейчас об этом «деле» и о жизни А.Гинзбурга, Ю.Галанскова вышла книга воспоминаний, и каждый может сам понять, что это был за человек и что это был за процесс. «Подписантов» было много. Каждый из нас осознавал, чем грозит его подпись, что последует за этим актом. Многие были не просто исключены из партии, а выгнаны с работы. Это относится к Г.П.Щедровицкому, Б.И.Шрагину, В.С.Степину, И.С.Алексееву и многим другим. Я также оказался без работы. Уволен был «по приказу директора ИМРД академика Т.Т.Тимофеева». Так и было написано в трудовой книжке.